

К Р О К О Д И Л

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

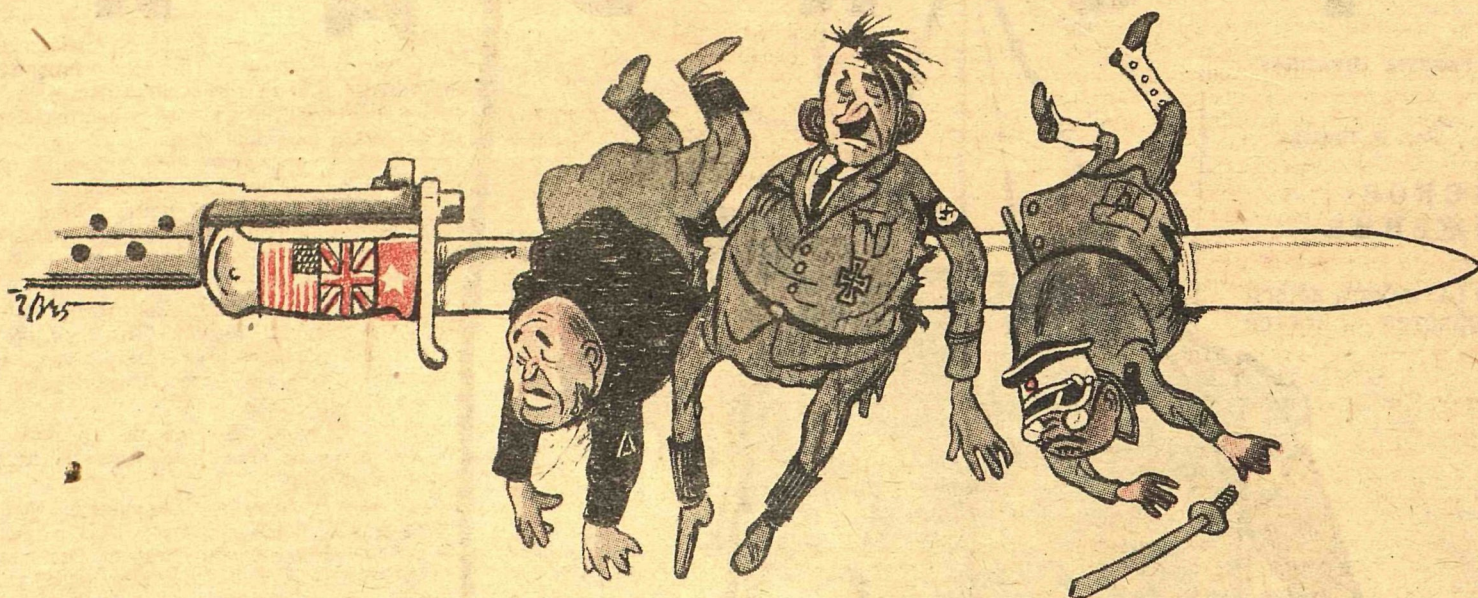
Рис. В. Горяева

ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

— Не хотел бы я быть на его месте!.. Ох, сорвется — костей не соберёт!

Объединительная
записка
В отбей на Вам за-
прос о(в)елом, что
на(и)мо(и)ние на
на по широт(и)на
Об(а)судит(и)ся

Снова на одной оси.

Тайна сераля

(«ОРИЕНТОТАЛЬНАЯ» ПОЭМА)

Мне говорят: «Не ваша тема!
Вам не удастся превзойти
Бытописателей гарема.
Вы — не Фарер. Вы — не Лоти.
Вас осмеют...» До лавров алчен,
Я не сдаюсь:

— Авось, и нет?!

Итак, попробуем.

...Чуть свет
Встаёт паша Джахид фон Ялчин.
Он плохо выспался. С тахты
Летят измятые листы
Ещё не конченной статьи,
Где сей турецкий гражданин
Из онемеченной «Танин»
Искал, как водится, лазейки,
Чтоб, нарядившись в ложь и лесть,
В Европу новую пролезть.
Его стамбульская квартира
Ему, он чувствует, тесна.
Он озирается: стена,
Ковры, диваны... карта мира
(Мир цел, но липовую «ось»
На свалку выбросить пришлось).
Он говорит: «Сколь мир громаден!»
Он впал в молитвенный экстаз:
Взор устремив на Берхтесгаден,
Он совершает свой намаз.
Пусть свет учения пророка
Пришёл не с Запада — с Востока, —
Благой Аллах не без причин
Дарует выбор человеку:
Блажен факир, узревший Мекку,
И Ялчин, видевший Берлин!
«Молись, Джахид! Забудь, что ныне
«Гяуры» властвуют в Берлине, —
К чему касаться свежих ран...»
Он раскрывает «Майн коран»
(Иль «Кампф»? Изданье есть такое),
Он запирает дверь, дабы
В полумолитвенном покое
Прочтешь суру «Моей борьбы».
Он (перевод — его работа)
Целует кожу переплёта
И с грустью думает, что тот
Попал в тяжёлый переплёт!

Намаз окончен (но поэма
Ещё не кончена, увы).
Джахид выходит в сад гарема,
Как предугадывали вы.
Парламентарно, по-меджлисски
(Что означает: неспеша),
По саду шествует паша.

Его завидев, одалиски
Игривый сдерживают шаг:
«Идёт Джахид!» По всем аллеям
Звенит привет: «Селям-алейкам!»
Малопонятным «Гуттен таг»
Он машинально отвечает.
(Он — поручусь — не замечает,
Что эта мелкая деталь
Мне портит «стиль ориенталь».)
Он подал знак — все смолкли, чуя,
Что скажет важное Джахид.
Приняв величественный вид,
Он декламирует: «Хочу я...»

Ямб надоел мне. Нет греха
В том, что сменю размер стиха?

Жаден, лжив, блудлив и алчен,
Всюду бит — и там, и тут, —
Ах, чего ж он хочет — Ялчин,
Старый шут и старый плут?

— Я хочу, — бубнит он снова, —
Чтоб с текущего числа
«Ось» истлевшая готова
К возрождению была;
Чтоб держав великих планы
Я подписывал один,
Но зато — чтоб все Балканы
Подписались на «Танин».

Я хочу, чтоб над могилой
Моего опекуна
Разразилась с новой силой
Европейская война.
Я хочу (для этой цели
Мне последнего не жаль!),
Чтоб препятствовать не смели
Бросить в битву мой сераль.

...Смолк — и ждёт, что громким эхом
Плач раздастся, а меж тем
Жизнерадостнейшим смехом
Заливается гарем:

— Ах, петух! Ах, старый кочет!
Ах, посмешище для всех!
Полюбуйтесь: «Ялчин хочет...»
Смех и грех... и грех и смех!
— Ах!.. — всё громче раздаются
Шутки, смех... весёлый шум.
Заразительно смеются
Осмелевшие ханум.

Вслед ханум весь штат хохочет,
Старый ввух — громче всех:
— «Ялчин хочет...» «Ялчин хочет...»
Смех и слёзы! Смех и грех...»
— Стар, а глядь — желанье гложет,
День и ночь... везде, всегда...
...Ялчин хочет, да не может —
В этом вся его беда!

Эмиль КРОТКИЙ

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ветскими военными властями и интерпрированы.

ТОКИО. Идя навстречу желанию союзников
поставить Японию на колени, бывший премьер-
министр Судзуки заставил японцев коленапре-
клонённо просить у микадо прощения за про-
игрыш войны. На вопрос, почему же Судзуки
сам не стал на колени, последний не без досто-
инства ответил: «Они всегда стояли за меня».

ОСЛО. После суда над французским квислин-
гом — Петэном — здесь начался суд над норвежским
петэном — Квислингом, типичным немецким ла-
валем.

АФИНЫ. Из авторитетных кругов сообщают,
что правительство Вулгариса твёрдо решило
обеспечить свободу выборов. Избирателям предо-
ставляется право свободно выбирать между голо-
сованием за ставленников правительства и лише-
нием свободы.

Поправка. По вине телеграфа в сообщении ва-
шего корреспондента из Токио допущено иска-
жение. Фразу «Японцы хорохорятся» следует
читать: «Японцы харакирятся».

Роковой заяц

КУЗЬМА Кузьмич Матрёшкин, председатель правления кустарной артели «Игрушка-вертушка», решил перед производственным совещанием основательно поработать дома в выходной день. Надо было набросать тезисы. Ещё недавно артель выпускала ложа для автоматов. Теперь всё возвращалось к мирной жизни. Артель тоже перестроилась. Как это было и до войны, она стала делать игрушки.

Жена на весь выходной день уехала к больной матери, и глава семьи должен был позаботиться о дочери, носившей странное имя Идея (во дворе все звали девочку по-человечески — Идой). Следовательно, оставалось придумать что-то, чтобы Идея не мешала. Товаровед артели Александр Филиппович Македонский, человек чрезвычайно услужливый, быстро нашёл выход:

— Предоставим ей какой-нибудь игровой инвентарь, и её не будет слышно. Ручаюсь. Это же типичный ребёнок!

Товаровед вынул из портфеля необычайно пёструю игрушку и протянул её председателю:

— Выкрашено по образцу, утверждённому лично мной. Уже выбрасываем на рынок...

— Что это? — испуганно спросил Кузьма Кузьмич.

— Полумеханизированный заяц, — с готовностью объяснил Македонский. — Довольно свободно кивает головой и дёргает хвостиком. Игрушка напоминает детям о хозяйственном значении зайца как объекта охотничьего промысла. Играя, ребёнок приучается отличать зайцев от львов, леопардов и других хищников, что крайне важно в жизни...

Заяц с наляпанной на самом видном месте маркой артели «Игрушка-вертушка» был лично товарищем Македонским вручён Идее.

— Теперь разверни активную игру, а нам не мешай! — сказал Македонский и подсел к Кузьме Кузьмичу.

Девочка изумлённо разглядывала игрушку. Деревянный заяц был раскрашен в такие дикие цвета, что если бы настоящие, честные лесные зайцы хоть чуть на него походили, в лесу наверняка поднялась бы паника.

Нос зайца был фиолетово-багровым, как это можно встретить только у дегустатора вин, празднующего 25-летний юбилей своей деятельности на благо пьющего человечества. Глаза зайца налились кровью того ядовито-красного цвета, которым отличаются только сироп и губная помада. Задняя часть туловища вызвала неожиданное подозрение в том, что бедный заяц прибежал с Тверского бульвара, где сидел на линючей, зелёной скамейке. Концы ушей были голубые, так же как и колёсики, при помощи которых заяц со скрипом и скрежетом передвигался.

— Идём! — сказала Идея зайцу. — Ты будешь пугать моих кукол, когда они закапризничают.

И она потянула игрушку за верёвочку, собственноручно привязанную к перекладинке заботливым Македонским.

Но не успели председатель и его товаровед углубиться в тезисы, как Идея подбежала к отцу. В одной её руке был заяц, в другой — верёвка. Как оказалось, перекладинка держалась не на гвозде, не на клею, а на честном слове.

— Тут нужна серьёзная работа по организации ремонта! — сказал Македонский.

А Матрёшкин раздражённо добавил:

— Идея, ты уже большая девочка, проводи катанье без использования верёвки.

После этого Кузьме Кузьмичу пришлось снова сосредоточиваться. Но, как нарочно, едва он сочинил весьма эффектную фразу в тезисах и Македонский стал её записывать, как к столу опять подошла Идея.

— Папа, — сосредоточенно спросила она, хвост так и должен отламливаться?

— Конечно, нет! — рассердился отец. — Это — доказательство плохого качества продукции. Хвост действует функционально.

— Чего? Чего? — спросила девочка.

— Хвост существует для того, чтобы им виляли, и потому должен быть при организме, — замаяв разговор о качестве продукции и переходя на другую, более близкую ему тему, сказал Македонский.

Так и не усвоив этой мысли, жизненно важной для Македонского, Идея несмело отошла к своим куклам.

Впрочем, в течение ближайшего часа она являлась ещё ровным счётом десять раз. Ей хотелось узнать, почему гвозди на колёсах «царапаются, как кошки»; почему глаза «сделаны из красных чернил» и пачкают руки; почему отстаёт одно ухо, а не оба, — и ещё столько «почему», что Кузьма Кузьмич Матрёшкин понял: составление тезисов о качестве продукции артели пора прекратить. Положение ясно.

И когда вот эта идея пришла, председатель сухо попрощался с Александром Филипповичем Македонским, отбросил в дальний угол бранные остатки полумеханизированного зайца и стал мастерить для Идеи бумажного голубя. В дело пошли листы бумаги, исписанные тезисами.

Юр. АРБАТ

О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Рис. М. Черемных

- Верите ли вы в любовь с первого взгляда?
- Нет, ни в коем случае.
- Ну, что ж, нам придется встретиться еще раз.

Факты на час

(ОТРЫВОК ИЗ ВОДЕВИЛЯ)

Действие происходит в наши дни в провинциальном городе, куда приезжает писатель-журналист Сергей Караванов. В силу ряда обстоятельств его принимают за гипнотизёра. Убеждённый в том, что окружающие его люди могут быть ещё лучше, чем они кажутся, и что достаточно заставить их поверить в себя, чтобы их хорошие качества обнаружились, Караванов некоторое время не раскрывает ошибки. Благодаря этому он порой и сам попадает в смешные положения. Однако ему удаётся сделать много хорошего, так как к этому хорошему стремятся сами его «пациенты». Основным его делом является борьба за проект инженера Анны Петровны Мироновой, талантливой, но слабохарактерной женщины, муж которой Тимофей Гаврилович Мионов — начальник стройконторы. Это бюрократ, человек же на месте, боящийся расквитаться своим положением. В публикуемом отрывке действуют Таня — дочь Анны Петровны от первого брака, в которую влюбился Караванов, затем секретарша Римма Антоновна и забавный «пациент» Караванова — лифтер гостиницы замка Аким Акимович. Совет Караванова — говорить нараспев, чтобы не закататься, — он принимает слишком буквально и поёт всё время, варьируя только мотивы.

КАРТИНА 3-я

Просцениум. Перед занавесом справа письменный стол с телефоном и папками. Это — место секретарши. Длинный телефонный звонок. Стремительно входит Римма Антоновна — секретарша начальника стройконторы Миронова. Сразу берёт трубку.

Секретарша (в трубку). Да, городская стройконтора... Нет, начальник не принимает... Занят... Мало ли, что приёмные часы!.. (Заметив зрителей в зале.) А вы что сидите, товарищи? Тоже на приём? Приёма не будет. Тимофей Гаврилович — авторитетный ответственный работник, и к нему попасть не так просто. Если он каждого будет принимать, он авторитет потеряет. А это такая вещь: потеряешь — потом не найдёшь. Если вы хотите сохранить авторитет... (Поёт, аккомпанируя себе на пишущей машинке):

Не принимайте без доклада,
Не говорите: да и нет,
Спешить с решением не надо,
Чтоб уберечь авторитет.
Опасность скрыта в каждом деле,
Решишь — потом держи ответ.
Не подождать ли две недели —
И уберечь авторитет.
Пока вы ждёте указаний,
Кричите всем — вот мой совет:
«Приёма нет! Начальник занят!
Приёма нет, приёма нет!»
Вот как сберечь авторитет.

Открывается занавес. Справа сцена представляет собой часть комнаты секретарши. Левая часть сцены — кабинет Миронова. Массивный стол с тремя телефонами. Сейф. Кресло. Мионов сидит за столом с салфеткой, заткнутой за воротник, и неторопливо завтракает. Справа, перед секретаршей, Караванов.

Караванов. Могу я видеть товарища Миронова?

Секретарша (поёт).

Приёма нет!.. Начальник занят!..

Приёма нет, приёма нет!..

Караванов. Но вот тут написано: «Приём от часа до трёх». Опаздывает?

Секретарша. Начальник не опаздывает, а задерживается.

Караванов. Может быть, вы спросите у начальника, сколько он ещё намерен задерживаться?

Секретарша. Не имею права. Начальству вопросов не задают — оно само задаёт вопросы и само на них отвечает.

Караванов. А интересно, что этот самый начальник говорит вам по поводу вашей работы?

Секретарша. Начальник не говорит, а высказывается.

Караванов. Любопытно, когда же всё-таки ваше начальство работает?

Секретарша. Начальство не...

Караванов. Благодарю вас, я уже знаю: ваше начальство не работает, а руководит. Так? Оно не думает, а принимает решения. Только такое начальство нужно, по-моему, как можно

скорее снимать. Винават, начальство не снимают, а освобождают по собственному желанию... (Ушёл.)

Секретарша (вслед). Вот посетитель пошёл! Написано «Приём», так давай ему приём. Он не мне верит. Он бумаге верит. Бюрократ какой!

Слева в кабинете Миронова звонит телефон. Он косится на него, не берёт трубку, продолжает завтракать. Начинает звонить второй телефон, затем — третий. Мионов со вздохом берёт трубку.

Мионов. Да... я... Привет... Прости, понимаешь, по другому телефону звонят. Обожди чуток. (Кладёт трубку на стол, берёт вторую.) Ага, Мионов. Милочка, минутку: по другому вызывают. (Кладёт трубку рядом с первой, берёт третью.) Я начальник. В чём дело? Ах ты, разрываешь совсем! Прости, дорогуша: по внутреннему зовут. Потерпи у трубки. (Кладёт третью трубку рядом с предыдущими. Облегчённо.) Ну вот и хорошо! Подождёте. У меня же приём. Я же пишу принимаю. (Продолжает завтракать, с улыбкой поглядывая на трубки. Наклоняется к ним, прислушивается.) Шипят. Ну чего «алло, алло»? Подождёшь! (Берёт одну трубку, слушает.) Так, один отвалился! (Кладёт на рычаг. Берёт вторую, слушает, кладёт на стол.) До чего этот «алло, алло» упорный! (Берёт третью трубку.) Вот этот повесил. Молодец! Хвалю! (Кладёт трубку на рычаг. Ест, поглядывая на последнюю трубку.) Отстанет... Проверенный способ. (Мионов кончил завтракать, берёт последнюю трубку.) Ну, ладно. (В трубку.) Алло! (Радостно.) Ну вот я тебе «алло», а тебя уже нет! И не надо. (Вешает трубку, собирает остатки завтрака и неторопливо прячет в сейф.) А теперь закурим... (Закуривает, неохотно пододвигает к себе бумагу.)

К секретарше входит озабоченная Анна Петровна.

Анна Петровна. Начальник у себя?

Секретарша. А вы к нему по личному делу или по служебному? Как к мужу или как к начальнику?

Анна Петровна. По служебному.

Секретарша. Тогда он не принимает. Занят.

Анна Петровна. Я подожду. (Садится на стул.)

Мионов (с отвращением отодвигая пап-

ки). Ох, сколько их! Может, лучше принять кого-нибудь? (Кричит.) Есть там кто на приём? Давайте заходите!

(Анна Петровна проходит к Миронову).

Мионов. А-а, это ты. Соскучилась? (Улыбаясь.) Ну, садись, садись! Что у нас сегодня на обед-то будет, а?

Анна Петровна (решительно). Я к тебе по делу и совершенно не расположена шутить. **Мионов (снисходительно).** Ой страшно! Что же это у тебя за дела такие?

Анна Петровна. К сожалению, всё то же.

Мионов (мрачнее). Опять насчёт проекта? И чего он тебе дался, не понимаю. Я же сказал: не могу. Дело решённое.

Анна Петровна (настойчиво). Нет, не решённое. Почему ты не можешь осуществить проект?

Мионов. Слушай, ты мне скажи: я тебе давал установку насчёт твоего проекта?

Анна Петровна. Нет! Я сама его делала. **Мионов.** То-то! Это значит самотёк! Так?

Анна Петровна. Если дело только в этом, дай сейчас установку. Пусть это будет твоя инициатива.

Мионов. Никакого у тебя нет понимания вопроса. Что значит «дай установку»? А откуда я тебе её возьму? У меня самого её нет. Мне дадут — и я дам. Дай мне сейчас пятьдесят тысяч.

Анна Петровна. У меня нет.

Мионов. Ну вот, а у меня установки нет.

Анна Петровна. Я не узнаю тебя, Тимоша, ты ведь не такой был. Помнишь? В первую пятилетку. Ты бы должен схватиться за такую идею.

Мионов. Я уже хватался за идеи. Не помнишь, за что меня с шёлкомоталки сняли? А теперь я опытный руководитель. Вот уже скоро год, как не снимают. А почему? Не рискую, за воздушные замки не хватаюсь.

Анна Петровна. Но ты же был инженером?

Мионов. Это всё выитики-шпунтики. А я руководитель. Квалифицированный руководитель. На что хочешь бросай: хоть на мыловаренный завод, хоть на пивоваренный завод. И ты меня со своими проектами в пропасть не толкай. Тебе хорошо: у тебя партийного билета нет, а у меня его отнять могут. Ты вот что: зайди в другой раз, через полчаса. А сейчас, прости, занят. (Уходит во внутреннюю дверь.)

Анна Петровна (одна, растерянно). Ну вот опять я ничего не смогла сделать.

Входит Таня.

Таня. Ну? Что он сказал? **Анна Петровна (грустно улыбаясь).** Что сказал? «Зайдите через две недели».

Таня (нетерпеливо). Оставь эти шуточки, мама. Я с тобой серьёзно разговариваю.

Анна Петровна. (устало.) Я опять оказалась безвольной тряпкой. Он не захотел меня слушать.

Таня. И что же ты думаешь теперь делать? **Анна Петровна (со вздохом).** Что делать? Зайду снова. Хотя вряд ли это что-нибудь изменит. (Уходит.)

Таня (одна). Нет, это никуда не годится. Наверно, гипноз ослаб. (Решительно проходит в кабинет Миронова, набирает номер телефона. В трубку.) Сергей Александрович? Да, это я. Вот что: у мамы ничего не вышло. Немедленно приезжайте сюда. Спасибо. Жду. (Вешает трубку. Садится за стол Миронова. Входит секретарша.)

Секретарша. Вы ждёте Тимофея Гавриловича?

Таня. Нет, просто так сижу.

Секретарша (шокирована). За столом начальника?

Таня. А что? Очень удобное кресло.

Секретарша. Но это же не полагается. В кабинете начальника должен сидеть начальник.

Таня (иронически). Знаете, я давно хотела вас спросить: вот, допустим, вы влюбитесь и будете выходить замуж. Вы что же, у жениха потребуете анкету, автобиографию?..

Секретарша. Конечно. А как же?

Таня. Вот, вот. Вы знаете, в одном учреждении... (Поёт):

Однажды жил канцелярист,
Держался в строгой норме,
Он уважал бумажный лист,
Составленный по форме.
Он ничего не смел начать
Без точной директивы
И документы составлять
Умел весьма красиво:

«Дана сия

В том, что я

Вам пишу опять.

В ответ на извещение

Пришлите отношенья.

А также приложение

Номер пять».

Но как-то встретил он в кино

Волшебное создание.

Пускай в кино совсем темно,

Но на душе сиянье.

Придя домой, он выбрал лист,

И, приложив старанье,

Всю ночь писал канцелярист

Любовное посланье:

«Дана сия

В том, что я

Покорён вполне.

В ответ на извещение

Пришлите отношенья

В вашем отношении

Ко мне».

Но был ответ её жесток,

Пришёл он очень скоро:

«Подшейте к делу ваш листок —

Ведь я вам не контора».

Читал ответ он вновь и вновь,

Потом решил, что к стати:

Была без подписи любовь,

Разлука без печати:

«Дана сия

В том, что я

Холостяк опять.

К сему, как полагается,

Решенье подшивается,

А также прилагается

Печать».

Секретарша (убеждённо). Он совершенно прав! А это ваше волшебное создание ничего не понимает в делопроизводстве. (В секретарскую половину входит Аким Акимович.)

Аким Акимович (поёт на мотив «Чижики-чижики»):

Кто тут, кто тут, кто тут есть?

Разрешите мне присесть.

То, что надо доложить,

Всё подробно изложить!

Секретарша (в ужасе). Это ещё что такое? (Выбегает из кабинета к себе.) В чём дело, праздники? В учреждении у нас курить, плевать и петь воспрещается.

Аким Акимович. Ладно. В гостинице надо по... по...

Секретарша. Короче, короче.

Аким Акимович. По... по... по...

Секретарша. Товарищ, вы пришли к занятому человеку.

Аким Акимович. Я знаю. Но нам надо по... по... по...

Караванов (войдя, секретарше). Пусть он лучше поёт.

Секретарша. Здесь не филармония.

Караванов (Акиму). Пойте. Не слушайте её.

Таня (секретарше). Не спорьте. Знаете, кто это? Это же гипнотизёр.

Секретарша. Ой, боже мой! Так что же вы сразу-то... (Акиму.) Пойте. Пойте. У вас прелестное бельканто. (Караванову.) Простите, товарищ, я не знала, что вы доктор.

Аким Акимович (на мотив «Два друга»).

Надо бы лифт починить у нас.

Пой песню, пой.

А если нельзя, то надо, как раз

Поставить совсем другой,

А то пешком на восьмой этаж.

Пой песню, пой...

Караванов. Да, вы бы, верно, попроще, Аким.

Аким Акимович (поёт).

Попался мотив такой.

Караванов. Очевидно, речь идёт о ремонте лифта в городской гостинице. Вы примете меры?

Секретарша (с готовностью). Хорошо, хорошо! Я доложу начальнику, и мы срочно пришлём монтажера.

Аким Акимович. Спасибо. Первый раз без волокиты. (Поёт):

А то к ним в контору придёшь, всегда

Пой песню, пой.

И если один говорит из них: «Да», —

«Нет», — говорит другой... (Уходит.)

Таня и Караванов проходят в кабинет.

Таня. Сергей Александрович, у мамы ничего не вышло. Он не захотел её слушать, а она растерялась. Нужно принять срочные меры. Я хочу, чтобы вы действовали на него. Вы должны ему внушить...

Караванов (с улыбкой). Извините, внушать я ему ничего не буду. В государственных учреждениях гипноз неуместен. Я с ним поговорю так, без гипноза.

Таня (с сомнением). А может быть, всё-таки немножко... А? Будет вернее.

Караванов. Нет, нет. Категорически. Но я надеюсь, что и так сумею убедить его.

Таня. Едва ли (вздыхнув). Как хотите, конечно. Только у меня к вам просьба: подождите несколько минут, сперва я сама с ним поговорю.

Караванов. Пожалуйста. Караванов выходит, садится в кресло. Входит из внутренней двери Миронов.

Миронов. А-а, это ты тут? Чего нахохлилась? Опять будешь конфликт затевать? По какому вопросу пришла?

Таня. Я не по вопросу. Я по-родственному пришла вас предупредить: в приёмной у вас сидит человек. Вы знаете, кто это?

Миронов. Нет. А что? Я его не приму. У меня нет сегодня приёма.

Таня. Примите! Вы не можете его не принять.

Миронов (испуган, шопотом). Неужели из главка?

Таня. Хуже. Миронов. Что же может быть хуже главка?

Таня. Он гипнотизёр. Миронов. Это что же, который мысли читает и неполадки вскрывать может?

Таня. Должно быть. Он все может. В Ярославле, рассказывали, какой-то гипнотизёр разоблачил одного работника.

Миронов. Как разоблачил? Таня. Буквально. Товарищ при всей солидности и при всей публике, извините, брюки с себя стал снимать.

Миронов (в ужасе). Брюки?! При всём кворуме? Это же весь авторитет к чорту. Слушай, не знаешь, зачем он пришёл?

Таня. Не знаю. Я просто хотела вас предупредить, чтобы вы были настроже.

Миронов. Молодец! Правильно сигнализируешь. Ай-ай-ай, только гипнотизма не хватало на мою голову!

Таня. Гипнотизма. Миронов. Ладно, с меня орфографические ошибки не спрашивают. С меня политические ошибки спрашивают. Вот усыпит он мою бдительность, тогда будет дело! Ну, спасибо,

что сказала. (Таня выходит.) Подготовимся. (Растерянно). Что же делать? А? (Вдруг он и с меня начнёт брюки снимать? Надо на всякий случай подвязать покрепче, чтобы сам захотел — не снял бы (ищет шнур, подвязывает брюки).

Таня (в секретарской, Караванову). Я ничего не добила. Попробуйте вы.

Караванов. Хорошо (встаёт, идёт к двери).

Таня. Да, когда вы войдёте, — осмотрите его внимательно, с головы до ног.

Караванов. Зачем? Таня. Так... Вы сразу увидите, какой это человек.

(Уходит. Караванов входит в кабинет). Караванов. Здравствуйте (знакомься). Я...

Миронов (перебивая). Знаю, знаю. Очень приятно. Миронов. Садитесь, пожалуйста. Как говорится, в ногах правды нет, «но правды нет и выше». Классику, знаете ли, осваиваем. Чем, так сказать, обязан?

Караванов. У меня к вам один вопрос. Мне случайно стал известен проект инженера Мироновой, вашей супруги, кажется.

Миронов (перебивая). Как же, как же, есть такая инициатива. Но, честно вам скажу, невыполнимо. (Караванов посмотрел на него пристально.) Нет, нет, вы не волнуйтесь: интересная инициатива, очень ценная инициатива, очень нужная инициатива. Я бы даже сказал: необходимая инициатива. (Караванов отвёл глаза.) Но, откровенно скажу, невыполнимо. (Караванов опять посмотрел на него, Миронов, пугаясь.) Нет, нет — вы только не нажимайте.

Я вам с полной мотивировочкой. Вы знаете, за что меня... нет, нет, — не то... Поймите же, на это надо средства вложить. Местные материалы добывать. А у меня самого... (Караванов мельком взглянул на брюки.) Не надо, не надо! Я понимаю ваш намёк. В пределах сметы средства можно изыскать. Ладно, я дам указание проработать этот вопрос. Ваша взяла! (Караванов отвёл глаза.) Но, конечно, сперва вопрос надо подготовить, чтобы не с бухты-баракты... Подождать директив. (Караванов опять взглянул на брюки, хочет что-то сказать. Миронов испугался.) Нет, нет, товарищ, вы меня не так поняли. Вы поймите, у меня планы, у меня ответственность. У меня же семья. То есть семья не при чём. Но меня же снять могут за это дело! (Караванов смотрит ещё внимательней. Он удивлён.) Ой! (Подхватывает брюки.) И за это дело снять могут. (Бежит по комнате, засунув руки в карманы.) Пойдите! Пойдите! (Подбегает к двери. Приоткрыв её, тихо — секретарше.) Слушайте, ни в коем случае не выпускайте меня из кабинета. Буду просить, приказывать — всё равно!

Секретарша (удивлена). Слушаюсь.

Миронов (Караванову). Товарищ, вас никогда не снимали? Не могу я на это пойти. Поймите! (Караванов, ещё более удивлённый, смотрит на него. Миронов в полной панике, кричит секретарше.) Заприте меня с той стороны! Ключ выньте и не пускайте сюда никого! (Опять встретил взгляд Караванова — не выдержал.) Товарищ, я признаю ошибки. Верно! Всё правильно! Вы хотите сказать, что смета уже пересмотрена. Это точно. И насчёт директив вы правы. Зачем ждать, когда всё лучше сделать своими силами, а потом согласовать. Хорошее дело всегда поддержат — это вы всё правильно внушаете. Вы не думайте, я к самокритике хорошо отношусь. Самокритика — моя слабость. И особенно правильно вы насчёт качества. Ведь деньги те же: расходы на добычу местных материалов окупятся на перевозке — раз, на упорении строительства — два. Пора, так сказать, пускать проект в дело. Пора! Пишу приказ: «Принял решение». Так и жене скажу. Соглашусь с ней... (Кричит секретарше.) Отпирайте дверь! Всё! (Начинает отстачивать шнур, которым были подвязаны брюки.) Ужасно вы убедительный человек. И откуда вы знаете все наши возможности? А вы всё-таки признайтесь: вы от кого?

Караванов. Право же, от себя. Я хотел с вами поговорить, но вы сами всё так отлично решили, что у меня вопросов больше нет!.

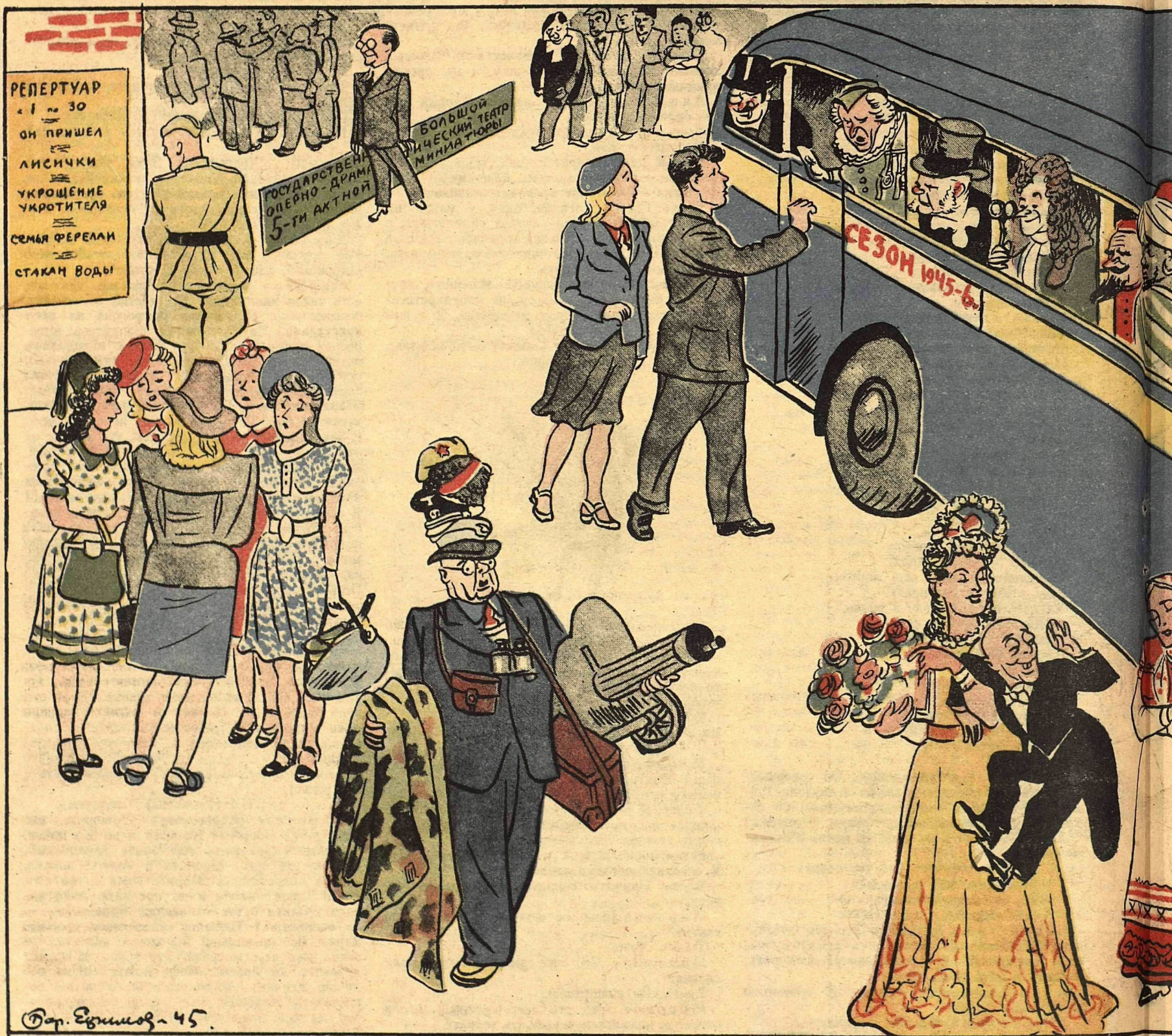
Занавес. Конец картины.

В. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

ТА Л А Н Т Ы И П

У ТЕАТРАЛЬНОГО ПОДЪЕЗДА

Рис. Бор. Ефимова.

Бор. Ефимов - 45.

Как назвать эту картину? У театрального подъезда? На пороге сезона?

Впрочем, не в названии дело. Дело в том, что это правдивое полотно, как любят говорить рецензенты, отображает кусок живой действительности. Как видите, на площади перед театрами царит большое оживление.

Уже отходит автобус, груженный героями будущих премьер. Здесь парики и цилиндры, чалмы и наколки, эспаньолки и бакенбарды. Робко стучатся в закрытую дверь машины двое наших скромных современников, но строгая дуэнья осаживает их.

— Куды прёт! Не видите — мест нет, — говорит она на чисто испанском языке.

Театральный директор прекрасно знает, что на площади торговли с рук запрещена, но всё же, озабоченный падением сборов, он идёт на крайние меры, чтобы поправить дела.

— А вот, а вот! Уступая! Меняю!.. — кричит он натужным голосом базарного зазывалы. — Мундир и фуражку — на дамскую рубашку! Военную тему — на штатскую хризантему... Контрактинна Симонова на Сомерсетта Могема! А вот, а вот налетай, народ, беру саксафон, даю дулемёт!

Легкомысленный ловелас Ярон, как и подобает опереточному мужчине, оказался между двумя дамами.

— Миленькая, — успокаивает он ревнивую Марицу, — не обращай на неё внимания. Ты же графиня, а она холопка. Это была моя минутная слабость. Ошибка! И, вообще, ты можешь быть уверена, что бы ни случилось, тебе я буду верен до гроба.

Вы не знаете в лицо очаровательных девушек, стоящих вон там, слева. Вы их никогда не видели на сцене, потому что они ещё молодые артистки. Каждая из них всего каких-нибудь пять — десять лет в театре. Но и они обсуждают итоги прошлого и перспективы предстоящего сезона.

— Я в прошлом сезоне заняла в своём театре такое же положение, как Бабанова, — хвастается одна из них.

— Не может быть!

— Честное слово. Мы обе не сыграли ни одной новой роли. Тот военный, у театральной афиши, — не артист. Это обыкновенный зритель. Отпускник. Он только что из Берлина. Там в своём ДК он видел «Весну в Москве», «Сталинградцы», вспоминал родину.

«Вот, — думал он в поезде, — приеду в Москву — не то ещё посмотрю. Соскучился по всему русскому!» Как видите, афиша повергла его

в смущение. Он не знает, куда ехать?

Хотя сезон только начинался, больших творческих успехов, жестовенно написал новую вещь шаг на пути от рукотворного хочет уйти как можно дальше.

Как всегда, в стороне артисты знают, что и в будущем сезоне образам по привычке лугать стоит перед ними особенно о тавливать программу на наве

А ты, самая дальняя группа, шла так далеко, чтобы не ви

герои. Но мы надеемся, что хоть вокочат в машину. (Собственно телей, драматургов, режиссёров делам искусств) дождаться жесткой помощи.

Мы очень рассчитываем на

О К Л О Н Н И К И

Я сжигаю корабли

У КАЖДОГО человека, которому перевалило за тридцать и подвалило к сорока, бывает момент, когда ему хочется сжечь все корабли и начать жить по-новому.

Мысль сжечь свои корабли возникла у меня во время беседы с одним известным московским режиссёром. Мы гуляли по дачной просеке и толковали на разные злободневные темы, когда он вдруг вспомнил:

— Да, кстати, знаете, мне дал свою новую пьесу ваш приятель Стебельков!

— Ну? Хорошая пьеса?

Режиссёр внимательно посмотрел на меня и, указав на корову, которая, просунув голову через изгородь, меланхолично жевала листья с дерева, сказал:

— Если бы эту рогатую особу кто-нибудь обучил сквозному действию и прочим законам драматургии, она ни за что не написала бы такую чепуху, какую написал ваш друг Стебельков.

— Серьёзно?! Ай-яй-яй! Бедняга! И вы это ему так всё и выложили?

Режиссёр выпучил глаза:

— Вы что, голубчик, совсем сбрендили, что ли? Наоборот, я сказал ему, что со времён «Детей Ванюшина» не было такой великолепной пьесы и её обязательно нужно отдать в Художественный театр. Он так обрадовался, что буквально вырвал у меня рукопись, боясь, как бы я её всё-таки не поставил раньше МХАТ.

— Зачем же вы это сделали?—возмутился я.

— А чего ради я буду портить отношения со Стебельковым?

В это мгновение я прозрел, как прозревает человек чёрной ночью, когда внезапно ударяет яркая молния.

Оказывается, вот как поступают умные люди! А неосмотрительный автор этих строк только и знал, что везде, всегда и со всеми портил отношения. Недавно даже кто-то ядовито посоветовал ему:

— Если будете издавать сборник своих театральных фельетонов, назовите его «Полным собранием оскорблений с портретами оскорблённых лиц».

Утром я сообщил жене, что сжигаю свои корабли.

— Какие ещё там корабли?—не поняла жена, так как все писательские жёны никогда не понимали своих мужей.—У тебя даже калош нет, не только кораблей. Тоже адмирал выискался!

Когда же я объяснил, что начинаю жить по-новому и больше никогда ни с кем не буду портить отношений, она очень обрадовалась, но не поверила:

— Ерунда! Не может этого быть!

— Честное слово! Вчера уже сжёг первый корабль.

— Где?

— В театре имени Ермоловой. На «Укрощении укротителя» Флетчера. Все женские роли мне страшно не понравились, а я хвалил. А так как больше всех не понравилась мне Тополева в главной роли Марии, то её я особенно громко хвалил.

Жена подумала и вдруг спросила:

— Кстати, зачем дали Тополевой главную роль? Ведь Мария никак не в её данных.

— Вероятно, дирекция и художественное руководство просто не захотели портить отношений с артисткой.

— Ну, а товарищи, которые принимали спектакль?

— А товарищи, которые принимали спектакль, в свою очередь не захотели портить отношений с художественным руководством.

Боже мой, как же всего этого я не постиг раньше?!

Весь день автор этих строк сжигал корабли. Постановщику второй эстрадной программы в «Эрмитаже» Арнольду он сказал, что тот затратил на этот спектакль почти столько же режиссёрских усилий, сколько Немирович-Данченко на «Три сестры». А драматурга Константина Финна стал горячо упрекать за то, что он свою пьесу «Верочка» отдал в Театр транспорта, вместо того чтобы украсить ею сцену одного из академических театров.

В общем, жить по-новому оказалось не так сложно, как я предполагал.

— Да, но вы действуете лишь лобовым приёмом,— сказал мне один приятель, тонкая штука по части сохранения отношений.— Далеко не со всеми это годится. Нельзя же грубо хвалить то, что никак уж хвалить нельзя! В иных случаях требуется ажурная работа.

— Например?

— За примерами ходить недалеко. Известно, что Театр Красной Армии ставит лёгкие комедии с таким режиссёрским глубокомыслием, что публика зевает. Недавно режиссёр Афонин поставил там «Копилку» Лябиша.

— Знаю. Тяжёлый случай. Скучать на фарсе Лябиша! С какой стати?

Приятель вынул из кармана тщательно сложенную газетную вырезку:

— Послушайте же, какие узоры выткала по этому поводу критик Нина Велехова: «В спектакле ЦТКА режиссёр отказался от излишнего акцентирования фарсового момента, он пожертвовал при этом и темпераментом действия. Он сильно смягчил элементы фарса, сообщил им большую грациозность, построил ряд сцен на чётком пластическом и музыкальном рисунке, но, облагородив таким образом комедию, оказался излишне педантичным в отношении буффонады».

Особенно сильное впечатление произвела на меня последняя фраза. Теперь, если захочется обозвать кого-нибудь дураком, можно, не прибегая к грубому слову, просто сказать, что данный субъект излишне педантичен в отношении здравого смысла.

— Да, не скоро ещё я приобрету такую грациозность критического стиля и чёткую пластику в желании ни с кем портить отношений! Кстати, где был напечатан этот музыкальный рисунок?

Но приятель с ловкостью фокусника спрятал вырезку и объявил, что он не намерен портить отношений с редактором.

— Но я же вас прошу по-дружески!

— Вы один, а там, кроме редактора, ещё семь влиятельных членов редколлегии и три комитета, органом которых является газета. Стану я портить отношения с таким количеством людей и учреждений!

— А, не отвечая мне, вы можете испортить отношения со мной.

— Наоборот, вы портите отношения со мной, настаивая на своей просьбе.

Мы оба сконфузились, поглядели друг на друга и сообразили, что в своём желании ни с кем портить отношений, кажется, зарпортовались.

* * *

Когда я нес эти строки в редакцию, настроение у меня было кроткое и умиленное, как у адвентиста седьмого дня.

«Вот написал фельетон, — размышлял я, влезая в трамвай и покупая билет, чтобы не портить отношений с кондуктором и милицией, — и никого не обидел, ни о ком не сказал худого слова, ни с кем не нарушил отношений».

Вот что значит сжечь корабли и начать жить по-новому.

Евг. БЕРМОНТ

Однажды слух прошёл по лесу,
Что кролик, раздобыв чернил,
Довольно яркую пиесу
На огороде сочинил.

И он принёс пиесу ту
На заключение кроту.

И, соответственно престижу,
Промолвил крот, морковь жуя:
— В пиесе вашей я не вижу
Идей, страстей не вижу я.

Я сквозь надуманности жижу,
Не вижу правильных корней,
Жизнеподобия не вижу,
Живых зверей не вижу в ней.

Итак, я вывод свой приближу:
Так как не вижу ничего
Я в вашем опусе, — не вижу
Я смысла одобрять его.

За пьесу кролику обидно:
— Неужто в ней (всего
 большей!)
Жизнеподобия не видно?!
И ничего не видно в ней?!

В чём тут секрет?
Секрет простой.
Не в пьесе дело. Крот — слепой

Д. ВЛАДИМИРОВ.

ВЕРНОСТЬ

— Будешь ли ты любить меня,
когда я стану совсем седой?
— Конечно, дорогая! Я любил
тебя, когда ты была брюнеткой,
шатенкой, рыжей, блондинкой...
Почему же мне не любить тебя
седой?

Рис. А. Каиевского

— Что вы сделали, чтобы улучшить обслуживание посетителей?
— А вот читайте плакат.

ЗАГАДОЧНАЯ ПУЛЯ

Однажды маршал Лена доложил Наполеону, что после боя под Вагтерлоо в животе командира драгунского полка найдена пуля.

Наполеон, зная, что командир не отличался особенной храбростью, спросил с улыбкой:

— Интересно, при каких обстоятельствах он эту пулю... проглотил?

СОГЛАСЕН ПОВТОРИТЬ

Однажды Россини был приглашен на обед одним из его почитателей. Обед был скудный, и Россини остался голоден. За десертом хозяин обратился к своему знаменитому гостю:

— Надеюсь, вы окажете мне честь ещё раз отобедать у меня в скором времени?

— С удовольствием, — ответил Россини, — хоть сию минуту.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Однажды композитор Артур Салливан направился со своим другом в дом, в котором он был всего один раз. Найдя нужную улицу, он обнаружил, что забыл номер дома.

— Ничего, — сказал он, — я найду его!

Он подходил к каждой двери поочередно и легонько ударял по железному скребкам, установленным у каждого подъезда для очистки обуви от грязи.

— Вот мы и пришли! — наконец заявил он. — Слушай: фа бемоль!

Отрывки из ненаписанного

— Мечты у нас чисто наполеоновские были: муж мечтал завмагом устроиться, я — продавщицей в ларьке.

О Гамлете:
— Принципиальный принц!

Стал уважать смородину, когда узнал, что в ней есть витамин «С».

«Смеялся до слёз»... После слёз уже не смеялся.

— Он доставала?! Вы хотели сказать: она?
— Не извольте сомневаться. Я сказал именно то, что хотел.

Бобёр жаловался на раннюю седину.

Делу время, а потехе джаз.

— Обожди меня час — другой. Я зайду сняться в минутную фотографию.

От неё падала тень ввиде мужа.

Ворона в «вечных перьях».

На выставке картин.
— Какая мёртвая живопись!..

Робинзон, у которого семь Пятниц на неделе.

— Ну, какой же я горький пьяница, если ничего, кроме сладких вин, не пью?

Он стал классиком при жизни. Его уважали, не читая.

Прошлое его было так незначительно, что в своих мемуарах он «вспоминал» больше о будущем.

Книга была из тех, которые хочется перевести на какой-нибудь совершенно нераспространённый язык.

Потерял все волосы, а ни на волос не поумнел.

Привык жаловаться. Даже в библиотеке требовал только жалобную книгу.

В классе. Во время урока:
— Идём, ребята, на улицу в классы играть!

В его действиях не было никакой системы, кроме нервной.

Артель выпускала небоющесся футляры для ногтечисток и другие пред широкого употребления.

Он любил её и пользовался взаимობразностью.

— Вот увидите: он так и кончит жизнь начинающим поэтом!

— Имейте в виду: алкоголь медленно разрушает организм.

— А я и не тороплюсь.

М. ЯКОВЛЕВ

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

- Сколько пива продаёте вы в день?
 — Да разве больше трёхсот литров успе-
 ешь?
 — Хотите, я посоветую вам, как удвоить это
 количество?
 — Как?
 — Наливайте полные кружки.

В КАБИНЕТЕ ВРАЧА

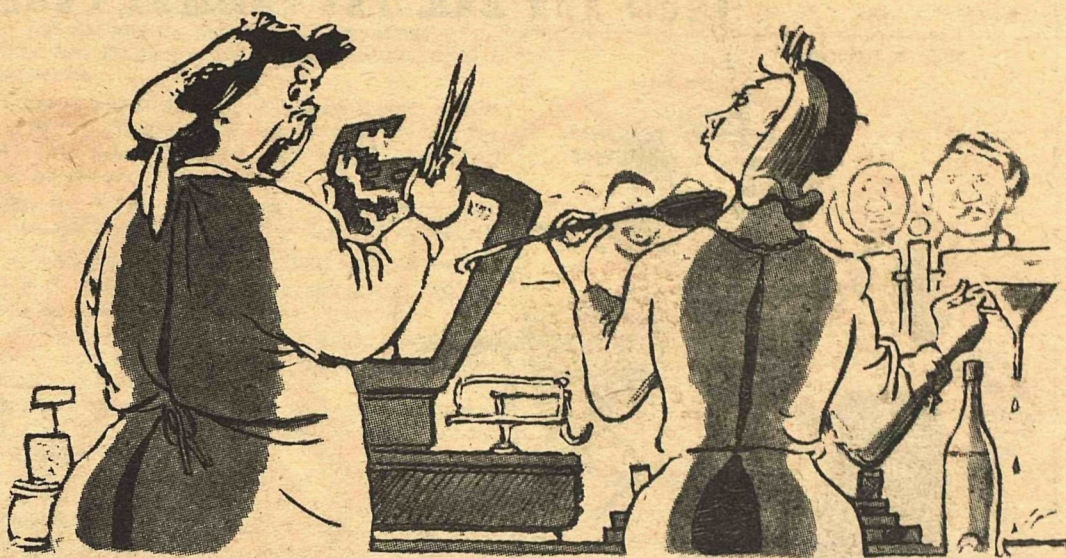
Доктор: — Вы сможете заплатить за опе-
 рацию, если я сочту её необходимой?
 Пациент: — А вы сочтёте её необходи-
 мой, если я не смогу заплатить?

ОН ВЕРИТ...

Рыболов: — Говорю тебе, щука была вот
 такая! Я никогда не видел рыбы такой вели-
 чины!
 Друг: — Я верю тебе.

ЗАВЕЩАНИЕ РАБЛЭ

«У меня нет ничего. Я должен много.
 Остальное я оставляю бедным».

— Ты на кого кричишь?! Я тебе не покупатель, не забывайся!..

Чиркин в курсе

ПЕРВЫЙ раз я встретился с ним десять лет
 назад. Была весна, распушались почки,
 заливались жаворонки, заседали лечеб-
 но-лечебные комиссии. Волею судеб и докторов
 я должен был поехать на курорт. С ворохом
 месткомовских справок в кармане и с миллио-
 ном терзаний в душе явился я в Курортный
 трест. Трестовская курьерша с благоговением
 указала на дверь, обитую сверкающей корич-
 невой клеёнкой, и сообщила заговорщицким
 шопотом:

— Вот сюда. У нас посетители всегда за-
 меститель принимает.

На двери красовалась серебристая табличка:

Зам. Директора Кур. Треста
 И. С. Чиркин.

В приёмной, за письменным столом, я увидел
 изящную головку с волосами цвета спелой ржи,
 чёрные брови дугой, алые губки сердечком,
 тонкие пальчики с багряно-красными ноготка-
 ми, в тех пальчиках зеркало, в том зеркале
 длинные ресницы, в тех ресницах синие глаза.

— К тов. Чиркину можно?

Алые губки сосредоточенно молчали. Пре-
 одолев робость, я спросил уже громче:

— Тов. Чиркин принимает?

Чёрные дуги сердито распрямылись, синие
 глазки молниеносно оглядели меня с ног до
 головы, алые губки процедили:

— Что вы кричите, как на базаре? Тов. Чир-
 кин занят. Сядьте. Ждите.

Сел. Жду. Дверь в кабинет чуточку приот-
 крыта. Оттуда доносится строго-вежливый бар-
 ритон.

— Повторяю, — говорит баритон, — путёвок
 нет и не будет. Надо быть в курсе жизни, до-
 рогой товарищ. Сейчас расцвет стахановского
 движения. Вы можете это понять? Это же ге-
 рои-новаторы! Мы с вами должны поступиться
 своими интересами. Это наш гражданский долг.
 Я вот свою собственную путёвку сегодня от-
 дал. Понимаете? Соб-ствен-ную. У меня и ло-
 зунг такой: всё для стахановцев!..

Сочувствующим взглядом я проводил удру-
 чённого посетителя. Когда он вышел, алые губ-
 ки скороговоркой, анкетным тоном осведоми-
 лись:

— Фамилия? Имя? Отчество? Должность?
 Куда? На сколько?

Затем губки скрылись в кабинете с моими
 справками. Через несколько минут они выпорх-
 нули обратно. Губки ласково улыбались:

— Пожалуйста, пожалуйста, тов. Чиркин вас
 с нетерпением ждёт.

Ошеломлённый такой переменой, я вошёл к
 тов. Чиркину. Он встретил меня посреди каби-
 нета, взял мою руку в свои, мягкие и белые,

пахнувшие дорогим одеколоном, усадил в ко-
 жаное кресло:

— Рад, душевно рад с вами познакомиться,
 дорогой товарищ Беляев. Полечиться задума-
 ли? Дело, дело. Вам куда: в Сочи, в Гагры,
 в Ессентуки?

Баритон звучал сердечными, бархатными
 нотками. Не успел я опомниться, как тов. Чир-
 кин нежно взял меня под руку, вывел из каби-
 нета и тихо, но твёрдо приказал секретарше:

— Оформите две путёвки в Сочи. Только
 в Сочи!

— Позвольте, — пробормотал я смущённо, —
 мне, кажется, одна путёвка нужна...

— Хе-хе-хе... Ему кажется. Не скромничай-
 те, молодой человек. А жена?

— У меня, извините, нет жены.

— Хе-хе-хе... И отлично, что нет; значит, за-
 хватите с собой знакомую. Две, две путёвки,
 не меньше! И не возражайте. А теперь изви-
 ните... Привет братцу!

Тов. Чиркин сделал ручкой и ушёл в кабинет.
 Пока оформляли путёвки, я опять услышал, как
 он строго-вежливым тоном говорил очередному
 посетителю:

— Повторяю, путёвок нет... Надо быть в кур-
 се жизни. Всё для стахановцев...

Через две недели я встретил Чиркина в го-
 стинице «Кавказская Ривьера». Своей мягкой,
 белой ручкой он пожимал мою руку, а другой
 чертел пуговицу моего пиджака и, лукаво при-
 шурясь, говорил:

— Ну, знаете, видал пройдох, сам пройдох,
 но таких, как вы... А ловко вы меня на-бога
 взяли! Хе-хе-хе...

— ?!

— О, хитрец, он не понимает! Я ведь впрямь
 подумал, что вы брат того Беляева, который в
 курортном управлении, в Москве, работает.
 Инициалы сходятся. Ну, я не сержусь, люблю
 людей, которые в курсе жизни. Придётся
 закрепить, так сказать, узы дружбы бутылоч-
 кой кахетинского. Я отмечаю событие в личной
 жизни — освобождён с поста по собственному
 желанию...

В 1942 году моя беспокойная профессия за-
 несла меня в один из городов далёкого Севера.
 Узнав, что в ресторане пообедать можно только
 с талонами треста, я пошёл туда.

В тресте на одной из дверей я увидел таб-
 личку:

Зам. Директора Треста столовых и
 ресторанов И. С. Чиркин.

Я вошёл. Тов. Чиркин, окружённый группой
 просителей, строго-вежливым баритоном гово-
 рил:

— Повторяю: талонов нет. Надо быть в кур-
 се жизни, дорогие товарищи. Сейчас разгар
 войны. Вы можете это понять? Мы с вами, на-
 ходясь в тылу, должны поступиться своими ин-
 тересами. Это наш гражданский долг. Я вот се-
 годня собственный талон отдал. Понимаете?
 Соб-ствен-ный, последний. У меня и лозунг та-
 кой: всё для фронтовиков!

Заметив меня, ой движением бровей выразил
 приятное удивление и еле заметно подмигнул
 правым глазом. Вежливо выпроводив посетите-
 лей, Чиркин радостно воскликнул:

— Какими судьбами? Сколько лет, сколько
 зим!

Он подошёл к телефону и тихо, но твёрдо
 приказал в трубку:

— Два обеда ко мне в кабинет... Ну, разу-
 меется, и по сто граммов.

За обедом он рассказал, что за прошедшие
 годы сменил немало постов и городов.

— За что же вас увольняли?

— Бог с вами, меня ни разу не увольняли.
 Меня освобождали по собственному желанию!
 Характером не схожусь.

— С начальством не ладите?

— Боже упаси, и начальники мною всегда
 довольны. Я, как заместитель, всегда беру на
 себя посетителей. Ну, а какой же начальник
 не рад избавиться от этого беспокойного дела?
 Нет, с начальством я схожусь. Не схожусь ха-
 рактером главным образом с контролёром —
 государственным, общественным и прочим...

Последний раз я встретил Чиркина совсем
 недавно. В начале июля я собрался в команди-
 ровку. Придя в городскую билетную кассу, я
 увидел большую очередь у дверей с табличкой:

Зам. И-ка билетной кассы
 И. С. Чиркин.

Под табличкой окошечко. Из окошечка стро-
 го-вежливый баритон:

— Повторяю: билетов нет и не будет ни на
 сегодня, ни на завтра, ни на послезавтра. Надо
 быть в курсе жизни, дорогие товарищи. Сейчас
 герои фронта возвращаются. Можете вы это
 понять? Мы с вами можем с поездкой и пообо-
 ждать. Это наш гражданский долг. Я вот се-
 годня своё место уступил. Понимаете? Свой
 билет отдал. У меня и лозунг... Алло! Алло!..
 Слушаю, дорогая Марья Ивановна. Привет!
 Привет!.. Ну, разумеется. Вам на сегодня? На
 вечерний? Понятно! Мягкий?.. Понятно!..

Наднях я узнал, что Чиркин от работы в би-
 летной кассе освобождён по собственному же-
 ланию. Где-то он теперь?

Может быть, Чиркин в вашем городе?
 Д. БЕЛЯЕВ

Воронеж.

ПРОВЕРЬТЕ ВАШ ВЕС!
или
ВЕСЫ ДЛЯ ЛИЦ, УВАЖАЮЩИХ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ

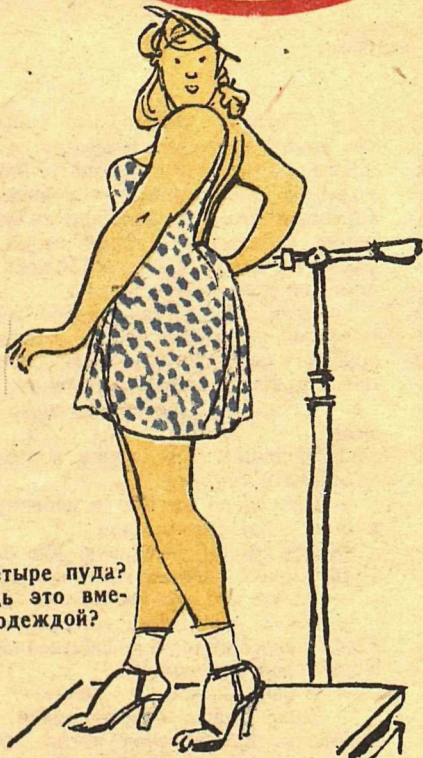
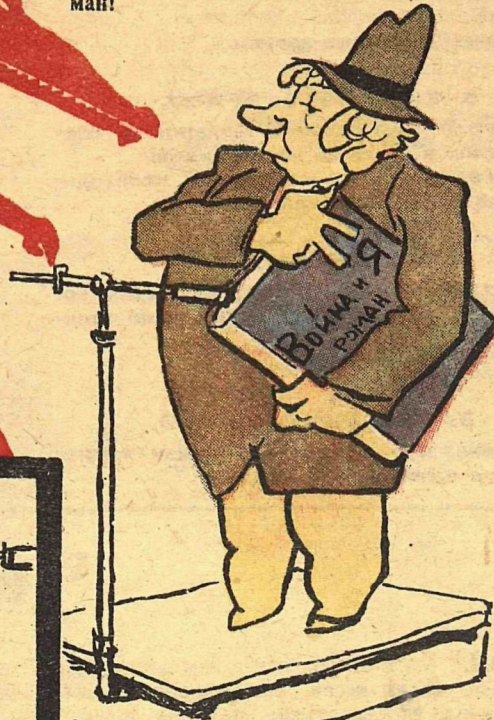
Рис. К. Елксеева

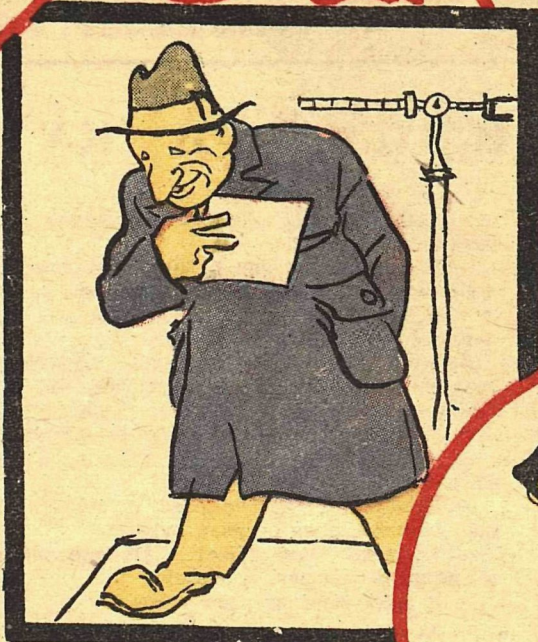
— Я всегда говорила, что характер у тебя очень тяжёлый!

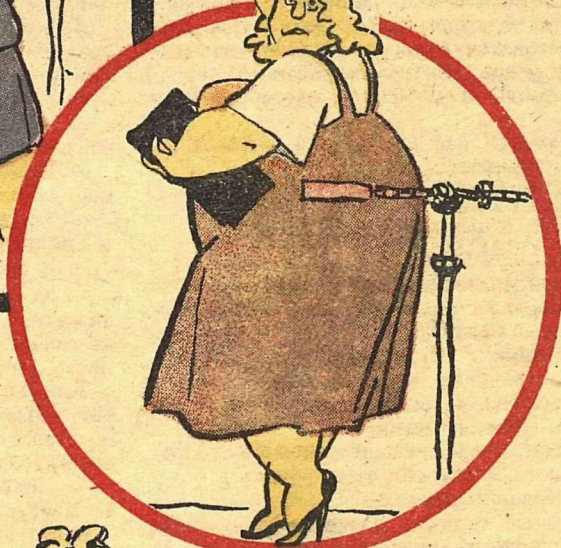
— В вас четыре пуда с лишним. Лишнее — ваш роман!

— Четыре пуда? Но ведь это вместе с одеждой?

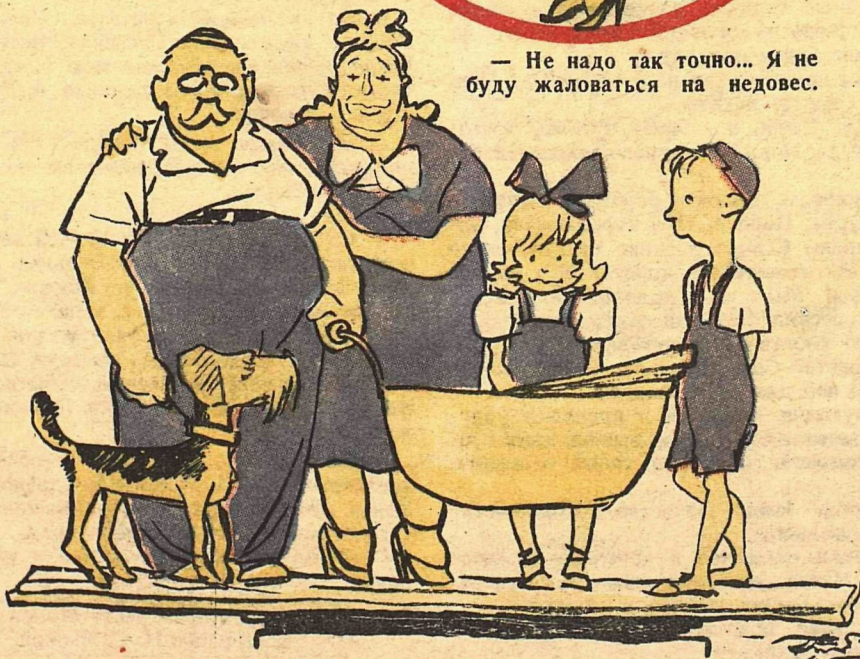
— А не прибавите ли вы мне по этой записке ещё полпудика?

— Не надо так точно... Я не буду жаловаться на недoves.

— Странно, а между тем в моём учреждении я никакого весу не имею.

— Сколько, значит, во всей семье?

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

23 апреля я по телеграфу «молнией» перевёл из Башкирии в Татарию тысячу рублей. Эта несложная операция обошлась мне всего в 73 рубля. Но зато телеграфные расходы по розыску моего телеграфного перевода составили 760 рублей.

В связи с этим я невольно задаю себе вопрос: чем, собственно, отличается простой почтовый перевод от перевода «молнии»?

Наученные горьким опытом люди утверждают, что после пропажи простого перевода клиенты ограничиваются простой жалобой, а после пропажи перевода «молнии» клиенты мечут «гром и молнии» по адресу Наркомсвязи, где, к слову сказать, изобрели сверхмощный громомовод: никакими жалобами их не проймёшь.

Нет ли у тебя, дорогой Крокодил, средства, которое могло бы парализовать столь неприятные действия этого громомовода?

Ш. ШАКИРОВ,
секретарь РК ВКП(б)

ст. Чишмы, Башкирская АССР.

Товарищ Крокодил!

Посоветуй управляющему Хорольским отделением Госбанка тов. Рокало воспользоваться каникулярным временем и подучиться в нашей школе четырёх правилам арифметики, а то он в этой части очень слаб.

На ремонт школы нам отпустили 18 тысяч рублей, причём ремонт надо произвести до начала занятий. Но тов. Рокало распорядился выдавать нам ежемесячно по 500 рублей. Если бы тов. Рокало знаком был с арифметикой, он без труда убедился бы, что ремонт школы при этом условии будет закончен только в 1948 году.

А не кроется ли здесь более глубокая причина? Не может ли быть так, что мысль подучиться в школе давно пришла на ум тов. Рокало, но он боится, что в короткий срок, оставшийся до начала занятий, он не успеет усвоить курс науки, а потому решил продлить каникулы на три года?

Н. КОЗЯР,
директор средней школы

Покровско-Багачанский район,
Полтавской области.

Уважаемый Крокодил!

Разнообразно и насыщенно протекает жизнь в особом проектно-монтажном управлении № 12 в Ташкенте. Кроме проектирования и монтажа, у сотрудников управления множество дополнительных нагрузок.

Желает, скажем, инженер прикрепиться к столовой ИТР. Казалось бы, чего проще — взял и прикрепился. Однако здесь на это смотрят иначе. Нужно сначала подать заявление начальнику управления. Начальник управления должен согласовать этот вопрос с начальником треста. А начальник треста, как назло, находится в Москве, в командировке. Жди возвращения, и ещё неизвестно, согласовал ли он прикрепить, когда возвратится. Может быть, в свою очередь, обратится в вышестоящую инстанцию, а вышестоящая инстанция — в ещё выше вышестоящую инстанцию, а выше вышестоящая инстанция — в ещё выше вышестоящую...

Одним словом, дела идут, контора пишет. Приятного аппетита!

А. ЦОЙ,
инженер

Ташкент.

КАКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ!

До сих пор было известно, что хамелеон — это разновидность ящерицы, обладающая способностью менять свою окраску, применяясь к местности.

Однако пропагандист Ворошиловского райкома партии (Приморский край) тов. Яблонская имеет на этот счёт своё собственное, довольно оригинальное мнение.

Как-то во время беседы с трактористами Ворошиловского сельского района её спросили:

— Скажите, что значит слово «хамелеон»?

Ни на секунду не задумавшись, тов. Яблонская со всей авторитетностью ответила:

— «Хамелеон» состоит из двух слов: первое — это хам, второе — миллион. В общем, миллион хамов...

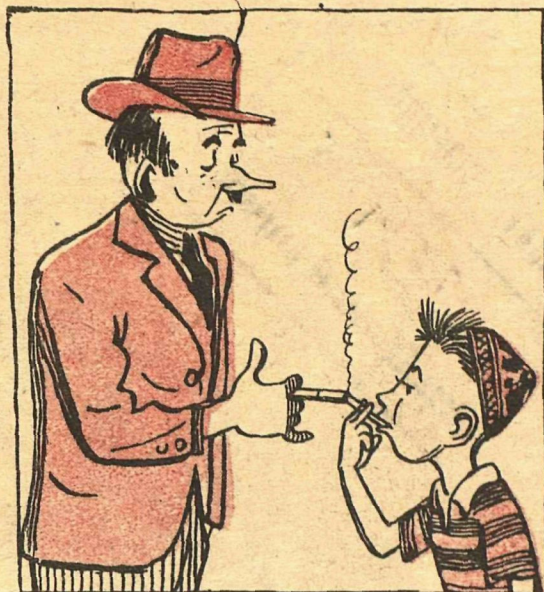
Если следовать такому принципу толкования, то, скажем, слово «сторож» тов. Яблонская объяснит так:

— «Сторож» состоит из двух слов: первое — это сто, а второе — рожа. В общем, сто рож...

Подумать только, с таким необузданным полётом фантазии человек прозябает в пропагандистах и губит в себе талант затейника. Какая несправедливость!..

ЛЕКЦИЯ О ВРЕДЕ ТАБАКА

Рис. Г. Валька.

Петин папа дал на улице прикурить соседскому мальчику Вите.

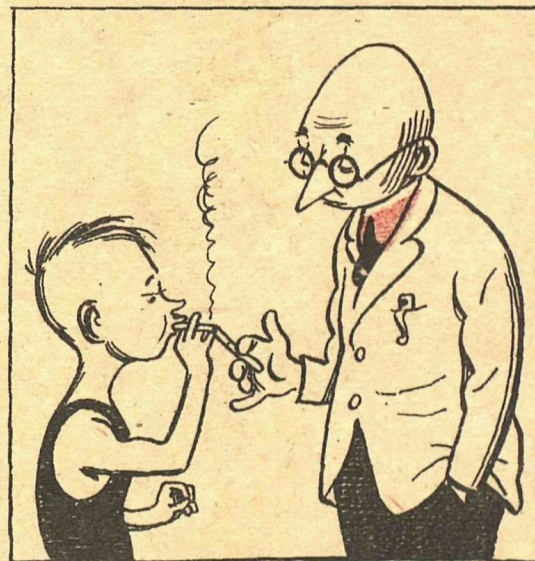
ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ДВОЙНИКИ

Мы, безусловно, привыкли верить печатному слову. И, увидев 5 июля в ярославской газете «Северный рабочий» надпись под фото: «Председатель колхоза «Победа», Некоузского района, тов. Волков», — ни на минуту не усомнились в подлинности сообщаемого.

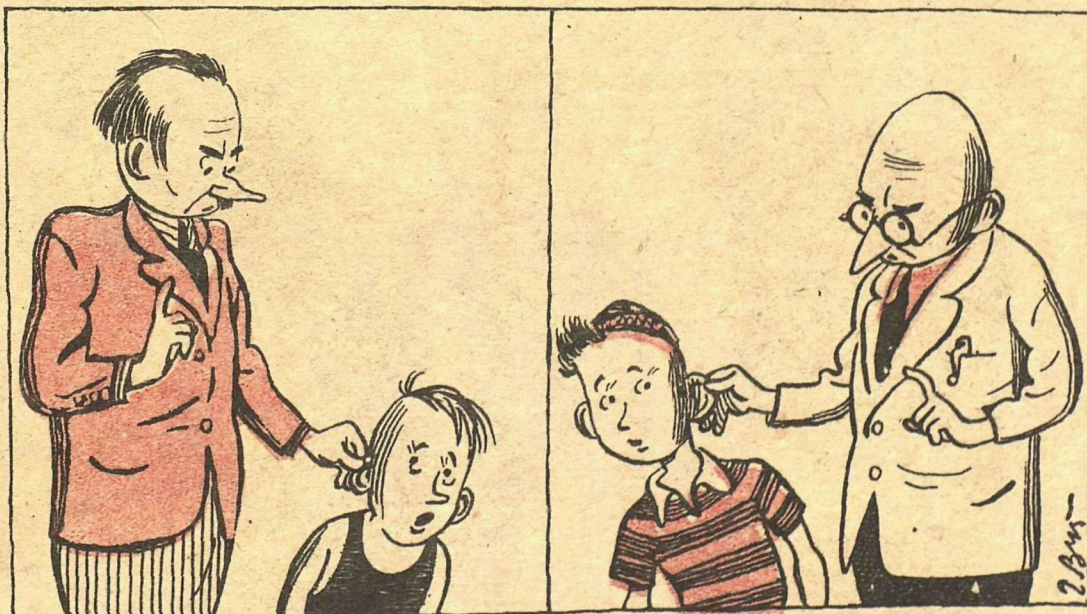
Не вызвала в нас подозрений и надпись под фото 8 июля в том же «Северном рабочем»: «Старший конюх колхоза имени Ворошилова, Рязанцевского района, Пётр Иванович Хухрыгин».

Мы уверены, что и тов. Волков и тов. Хухрыгин существуют на божьем свете. И один из них — действительно председатель колхоза, а другой — старший конюх.

Но не кажется ли «Северному рабочему» несколько странным то обстоятельство, что оба эти товарища очень похожи друг на друга? Пусть посмотрят в редакции на фото и убедятся: похожи, как две капли воды! Даже одеты совершенно одинаково. Что это: игра природы или забавы самой редакции, напечатавшей дважды одно и то же фото с разными подписями?

Витин папа на той же улице дал прикурить соседскому мальчику Пете.

— Какой мерзавец вас приучает курить? — кричали вечером оба отца, делая своим отпрыскам соответствующие внушения.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСПАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва.

Изд. № 634.

Подп. к печати 5/IX 1945 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1½.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А 21665.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1716.

Тираж 100.000 экз.

В Мукдене, на аэродроме, нашими войсками задержан и интернирован вместе со свитой «император» марионеточного государства Маньчжоу-Го — Пу-И.

Рис. С. Костина

ВЗЯТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
27 СЕН 1945
Воз. №. Валентин Поляков

Получ.
в ред.

— Проверь-ка, Сидоров, ещё разок: самолётов — 483, полевых ору-
дий — 642, императоров — 1.

29/17